

был так, поскольку проуниатский патриарх Григорий был вынужден уехать в 1451 г. из столицы в Рим, а преемник его так и не был избран.

Еще более усиливал московскую позицию тот факт, что избрание Ионы было признано и на польско-литовских территориях. Сторонник Базельского собора король Казимир IV официально даровал ему инвеституру⁴¹, и Иона официально принял в свою юрисдикцию православный диоцез в Литве и Польше.

По сравнению с открытой конфронтацией в отношении Константинополя, которой сопровождалось установление независимых патриархатов в Болгарии и Сербии, действия Москвы в 1448 г. (особенно в связи с тем формальным поводом, который давали непредвиденные обстоятельства, связанные с унией) фактически отмечены некоторой ностальгией по старым добрым временам, когда Константинопольская церковь осуществляла материальную власть в России. Однако слышны и другие, более националистически настроенные голоса, даже если они и не одобряются тут же официальными кругами. Они появляются в двух группах источников:

а) Отчеты русских клириков, сопровождавших Исидора во Флоренцию, находившихся при нем на соборе и, как в случае с епископом Авраамием Суздальским, формально подписавших постановление. Подобно греческим епископам и должностным лицам, по возвращении отказавшимся от своих подписей, эти русские клирики должны были представить благовидную причину своих поступков. Греки обычно и малоубедительно ссылались на физическое и моральное давление, оказанное на них латинянами. Русские жаловались на безразличие Исидора и «предательство» греков. Один автор в риторическом обращении к императору Иоанну VIII Палеологу восклицает: «Что ты наделал? Ты поменял свет на тьму, вместо божественного закона ты принял латинскую веру, вместо истины и справедливости ты возлюбил лесть и вероломство»⁴². И поскольку сами византийцы научили русских не только тому, что император Константинополя был «императором всех христиан», что «нельзя христианам иметь церковь, но не иметь императора», но также и тому, что «христиане отвергают императоров-еретиков»⁴³, то для идеи *translatio imperii* существовало явное и неизбежное основание. Так как Василий II Московский поддерживал правую веру, он стал отныне «новым Константином», «великим государем, от Бога коронованным русским царем»⁴⁴. Митрополит Иона в послании к князю Киевскому Александру также ставил Василию II в заслугу подражание его «предкам» — св. императору Константину и св. князю Владимиру⁴⁵.

б) Эта позиция самоутверждения в значительной мере усилилась вслед за падением Константинополя в 1453 г. и назначением в 1458 г. особого

Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1988. Вып. 2. С. 420—422. Однако независимо от того, было оно послано или нет, это письмо дает ясное представление об официальной позиции Москвы в этот период.

⁴¹ РИБ. Т. 6. С. 563—572.

⁴² Слово избрано // Попов А. Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875. С. 372—373. Хороший обзор литературы дан в ст.: *Cherniavsky M. The Reception of the Council of Florence in Moscow // Church History. 1955. Vol. 24 (1). P. 347—359.*

⁴³ См. знаменитое послание патриарха Антония Василию I Московскому в 1391 г. (ср. примеч. 3). Об обстоятельствах этого послания и возможной роли митрополита Киприана см.: *Mejendorff J. Op. cit. P. 255—256.*

⁴⁴ Слово избрано. С. 113.

⁴⁵ Письмо 1451 г. см. в: РИБ. Т. 6. С. 559—560.